

НОРМАЛЬНАЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ – ЭТО ЖИЗНЬ ВНЕ СУДА¹

— Вениамин Федорович, Вы уже много лет являетесь последовательным (и очень важным для всего нашего профессионального сообщества) сторонником развития института медиации в России. На Ваш взгляд, почему этот институт так важен для нашей страны?

— Знаете, я медиацию рассматриваю в более широком контексте, имея в виду, что это один из альтернативных методов разрешения споров. Но не только разрешения. И в этом все дело. Ведь когда мы говорим об альтернативных методах и способах разрешения споров, под словом «альтернативные» мы зачастую понимаем сопоставление с судебными методами. То есть вроде как есть государственные суды, а медиация – это метод, альтернативный им, альтернатива государственным методам. Но по моему мнению, медиация является не просто альтернативным методом разрешения споров, а методом, который обладает определенными преимуществами по отношению к судебным. Потому что судебный метод – это разрешение конфликта с помощью власти. Сами спорящие не могут свой конфликт урегулировать, а, наоборот, углубляют его. И вот они обращаются за помощью к суду, и суд на основании закона и обстоятельств дела разрешает спор, объявляя правой или неправой ту или иную сторону и, соответственно, принимая решение, исходя из этого. Преимущество медиации состоит в том, что здесь происходит не просто разрешение спора, а нечто большее: урегулирование спора. А решение по спору и урегулирование спора – это не одно и то же, хотя часто эти слова употребляются в качестве синонимов. Когда суд выносит решение по делу, он, конечно, разрешает конфликт от имени власти, от имени государства. И, стало быть, спор решен, и надо только в последующем исполнить судебное решение в соответствии с его результативной частью. Но конфликт не обязательно урегулирован. Спор может продолжаться, потому что каждая сторона считает себя правой, несмотря на наличие судебного решения.

Судебное решение – это, конечно, хорошо, потому что в неопределенную ситуацию вносится определенность с точки зрения закона: кто же все-таки прав, а кто

---

¹ Перепечатано с разрешения журнала «Медиация и право. Посредничество и примирение» (© 2016). Любое использование просьба осуществлять только со ссылкой на правообладателя.

неправ. Но конфликт может исчезнуть, а может и сохраниться. То есть стороны по окончании судебного заседания (и я это много раз лично наблюдал, в частности, на заседаниях Президиума Арбитражного суда) остаются в состоянии конфликта, не выходят из спора. Это понятно даже не по тому, что люди говорят, выходя с заседания, а по выражению их лиц, по физиономиям. Конечно, иногда решения нашего Президиума хорошо воспринимаются обеими сторонами, и бывает так, что обе они удовлетворены, а, значит, не просто вынесено решение по спору, но и исчерпан конфликт, то есть нам удалось ввести в нормальное русло отношения между сторонами. Но так бывает далеко не всегда. И именно в этом плане медиация – наиболее эффективный способ разрешения споров. Потому что тут происходит не просто внесение определенности в отношения – кто прав, кто неправ (может быть, оба правы, или оба неправы), как при вынесении судебного решения, после которого стороны часто покидают судебное заседание врагами. Дело здесь не ограничивается вынесением решения, и итоговая позиция, которой стороны достигли в результате переговоров, не просто вносит определенность в их отношения, а устраняет конфликт. То есть стороны входят в состояние бесконфликтности, что, на мой взгляд, очень важно. Это особенно важно в тех отношениях, которые являются не разовыми, не случайными. Ведь, конечно, решения в судах выносятся и по конфликтным ситуациям, которые возникают в результате каких-то случайных, разовых встреч людей, на улице, или где-то еще... Но чаще всего конфликты возникают в постоянных отношениях.

Что это за отношения? Это, например, отношения в трудовом коллективе, в учебных заведениях, и, конечно же, отношения в семье. Люди, состоящие в отношениях родства, связаны друг с другом навсегда. И, конечно, очень важно, чтобы именно в этой области существовали какие-то способы разрешения, урегулирования споров, нормализующие эти отношения. Вот почему семейные отношения, по своей сути, наиболее подходят для применения переговорно-примирительных процедур. Ведь чем меньше происходит тут вмешательства государства, власти, тем для этих отношений, в принципе, лучше.

Поэтому в нашем российском законодательстве при разрешении конфликтов в этой сфере всегда рекомендовалось использовать примирительные процедуры. Скажем, и в нашем семейном законодательстве (и советского времени, и постсоветского периода), и в процессуальном законодательстве установлено, что при разрешении супружеских споров суд, прежде всего, старается примирить супругов, и, по возможности, помогает им сохранить супружеские отношения. Суд выносит решение о расторжении брака лишь тогда, когда эта примирительная процедура (применяемая судом в обязательном порядке) не дает результата. Это было всегда. И это очень правильно.

Я думаю, что хорошая почва для применения подобных альтернативных способов разрешения споров имеется и в трудовых отношениях. Потому что трудовые отношения — это тоже отношения, в принципе, постоянные. Человек может всю жизнь прожить, так сказать, в одном трудовом коллективе, то есть, работая только

в одном месте. Я, например, пока жил в Екатеринбурге (Свердловске), двадцать семь лет работал в одной организации — в Свердловском юридическом институте (ныне — Уральский юридический Университет). А вот в Москву переехал, и ситуация изменилась... Потому что здесь, по обстоятельствам, мало от меня зависящим, пришлось сменить несколько мест работы. Но, хотя, конечно, все это происходит у каждого по-своему, в целом трудовые отношения — это постоянные отношения. И в них переговорно-примирительный способ оздоровления весьма полезен.

Я думаю, что даже в каких-то экономических, коммерческих отношениях тоже может присутствовать такой элемент постоянства. Скажем, одни и те же банки могут выдавать кредиты одним и тем же заемщикам, зная, что данный заемщик надежный, с ним не надо будет судиться, что он все полученные в банке денежки вовремя вернет... Или в подрядных отношениях, по выполнению работ, в отношениях по поставкам продукции, товаров и т. д., и т. п. — тоже обычно присутствуют постоянные связи. Крупные магазины имеют постоянных поставщиков — надежных, которые поставляют качественную продукцию. И дирекция магазина знает, что этот поставщик не подведет, что эту продукцию можно продавать гражданам, не рискуя своей репутацией.

Всюду, где есть такие постоянные отношения, этот переговорно-примирительный способ представляет особую ценность. И, если присмотреться, в обществе довольно много таких отношений, носящих не случайный, не разовый характер. И в этой области чем меньше судебных решений, тем лучше. Лучше для людей, для отношений между ними! Потому что нормальная человеческая жизнь — это жизнь вне суда.

Суд — это уже безвыходная ситуация. И мне кажется, что каждый человек должен это хорошо понимать. А для этого нужно, чтобы существовала своего рода система общественного воспитания, общественного просвещения. Начиная, может быть, еще с дошкольного возраста. Может быть, еще в детских садах. Чтобы учить людей самостоятельно урегулировать свои споры.

В суде есть, как правило, побежденный и победитель. А процедура медиации хороша тем, что это не просто разрешение спора, это урегулирование конфликта. И если она произведена успешно, люди выходят из конфликтного состояния, они нормализуют отношения.

Такие способы нормализации отношений должны постоянно работать в обществе. И надо эти способы создавать, поддерживать, пропагандировать, чтобы прививать навыки бесконфликтного решения споров.

Потому что суд, конечно, решает по закону. Но всегда ли решение по закону и решение по справедливости совпадают? Ведь справедливость — это интересы. То, что соответствует интересам, то, значит, благо. А раз благо — значит, справедливо!.. Такова логика любого спорщика.

Ну а чувство справедливости в обществе — это очень важное чувство, и от него зависит многое. Вы ведь понимаете, что общество может находиться в различных состояниях: в состоянии напряженности и конфликтности, или в более нормальном, спокойном состоянии. А в каком обществе сейчас живем мы? Определенно, в более конфликтном,

нежели, скажем, тридцать лет назад. И тут возникает, конечно, вопрос: почему?

Я над этим много размышлял, и сформулировал (может быть, только для себя) на основе рассуждений, сопоставлений и т. д. определенный ответ. Мне кажется, дело в том, что экономические отношения в обществе могут строиться на справедливой основе, или на несправедливой основе. Если общество разделено по этому признаку, то есть существует слишком большой разрыв в материальной обеспеченности граждан, то это общество будет конфликтным. А если слишком большого разрыва нет, создаются экономические предпосылки для снижения конфликтности. По моим наблюдениям, это так.

Вот почему советский период, я думаю, войдет в историю человечества. Не во всех своих элементах и не на всех этапах своего существования. Но, тем не менее, в истории человечества это был самый крупный эксперимент по преодолению имущественного неравенства людей в обществе. Я не хочу сказать, что все было прекрасно. Много было аспектов, не устраивающих граждан. Но были и важные успехи. В чем они состояли? А в том, что все люди в советское время имели примерно один и тот же уровень возможностей.

Но главный вопрос не в том, есть ли в обществе богатые или нет богатых, а вопрос в том, каким путем это богатство приобретается. Оно может приобретаться вследствие способностей человека и вследствие его ценности для общества. Или вследствие всякого рода, так сказать, других факторов: умения ухватить не только свое, но и чужое, и т. д., и т. п. И, как мне кажется, в советское время эта дифференциация на богатых и бедных в большей степени основывалась на реальной ценности людей для общества. И в этом смысле общество было более здоровым.

А если мы возьмем нынешнюю стадию развития нашего общества, у нас сейчас все не так просто... Во-первых, колоссальные различия в материальном положении граждан: есть богатые, сверхбогатые и есть немало людей, недостаточно обеспеченных. И этот разрыв сам по себе вызывает в обществе известную напряженность. Но дело не только в этом. Если бы эти богатства были приобретены заслуженным путем, потому что человек что-то для общества сделал, тогда, наверное, недовольства и напряженности в обществе не было бы. Ведь чем больше в обществе социальных начал справедливости, тем оно менее конфликтно. Чем больше социальной несправедливости, с точки зрения основной массы людей, тем оно более конфликтно.

Следовательно, состояние большей или меньшей конфликтности определяется не только, так сказать, природными качествами людей, но определяется тем, в каком состоянии находится общество, как оно оценивает сегодняшнюю жизнь, как оно оценивает людей, которые являются богатыми. Вот, скажем, есть сверхбогатые люди в Соединенных Штатах Америки, которые проявили себя в области создания современной техники. И дай Бог, чтобы таких людей было больше и у нас. Таких, как Билл Гейтс и подобные ему. Пусть такие люди будут богатыми. Я думаю, что ни одно общество не стало бы возражать против такого богатства.

Но когда люди становятся богатыми по непонятным причинам — ни с того, ни с сего... А, к сожалению, наш переход от советского общества к современному обществу как раз в значительной степени ознаменовался тем, что появились богатые люди, которые для общества, в общем-то, ничего не сделали, а просто в процессе так называемой приватизации им удалось по разным причинам кое-что, так сказать, «прихватить». И они вдруг стали сверхбогатыми.

Вот в чем дело. И вопрос, соответственно, не в том, насколько люди различны в своих имущественных возможностях, а почему, по какой причине они эти возможности обретают. Это основной вопрос. Я думаю, что именно в этом смысле наше общество еще не преодолело стадию конфликтности. В нем есть недовольство от того, что существуют такие незаслуженно богатые люди. И, конечно, это недовольство умножается из-за того, что есть немало людей (может быть, куда более одаренных и профессионально компетентных), которые и могут, и пытаются работать, но зарабатывают незаслуженно мало. Они не могут обеспечить необходимый уровень благосостояния для себя и своей семьи, а при этом видят, насколько хорошо живут те, кому богатство далось отнюдь не по заслугам.

Следовательно, нам нужна соответствующая разумная экономическая и социальная политика, нужно хорошее, тщательно отработанное законодательство, которое позволяло бы нам внедрять в обществе начала социальной справедливости.

Это, конечно, не означает, что надо возвращаться к советскому периоду, но и забывать об имеющемся у нас опыте того времени тоже, наверное, полностью не следует. Может быть, все-таки стоит какие-то элементы социального регулирования вводить в современную жизнь.

Но это, так сказать, общефилософские рассуждения. А конфликты, как бы то ни было, возникают в любом обществе. Даже в самом хорошо выстроенном и благополучном. Конфликты неизбежны. А если это так, значит, должна быть система разрешения конфликтов. И я думаю, что для любого общества очень важно иметь, во-первых, хорошие законы, во-вторых, хорошую судебную систему, которая позволяла бы обеспечить начала справедливости при разрешении споров, при возникновении конфликтов... Но одного этого недостаточно. Нужно еще, чтобы люди сами умели выходить из конфликтного состояния.

И вот здесь-то мы подходим к самому главному. Суд действительно вносит определенность, но судебное решение не всегда снимает конфликт. Определенность внесли: вот ты прав, ты неправ... вот тебе причитается что-то с неправой стороны... — а конфликт остается! И если этот конфликт разовый, случайный, то полбеда. А если это конфликт в тех отношениях, о которых я говорил, которые составляют суть человеческой жизни, из которых человек не может просто так выйти, конфликт между родственниками, партнерами, трудовой конфликт — тогда все гораздо хуже. Ведь после судебного решения подобный конфликт может не исчезнуть, а даже наоборот, развиться и углубиться.

В таких случаях переговорно-примирительные процедуры абсолютно необхо-

димы! Но они, конечно, могут использоваться и там, где, казалось бы, нет такой безусловной необходимости, и в разовых, случайных конфликтах. Например, если столкнулись две машины на дороге. Совершенно ясно, что было бы лучше, если бы в таком случае люди между собой договорились, не прибегая к суду, не разжигая конфликт. Но не всегда так получается. А чтобы получалось – в обществе должна действовать система переговорно-примирительных процедур. Что эта система в себя включает? Прежде всего, конечно, законы, которые должны утверждать переговорно-примирительные процедуры. То есть люди должны знать, что начинать надо не с судов, что суд это, так сказать, уже последний выход из положения, а первичной должна быть попытка урегулировать конфликт путем прямых переговоров между причинившим вред, скажем, и потерпевшим от этого вреда. В конечном счете, эту формулу можно перенести на любые отношения...

Медиация помогает не только разрешить спор, но и урегулировать отношения, именно потому что если процедура медиации хорошо поставлена и хорошо реализована, она позволяет гармонизировать интересы участников отношений. То есть создать условия для того, чтобы люди вышли из конфликтной ситуации с наименьшими потерями.

Но самое главное – умение пользоваться этими процедурами. А это уже уровень человеческой культуры. Именно этот уровень и определяет степень конфликтности общества и умение выходить из спорных ситуаций на основании развитой системы человеческих взаимоотношений. То есть от уровня культуры во многом зависит наше умение договариваться. Это вещи взаимосвязанные. Вот почему начинать надо с воспитания. И, действительно, хорошо было бы, если бы у нас в детских садах и в школах уже была бы какая-то система, которая позволяла бы воспитателям прививать эти качества (умение договариваться, выходить из конфликтов и предотвращать их) нашим детям.

Конечно, важна тут и работа с родителями, их участие в привитии детям таких навыков. Без них школа часто с такой работой просто не справляется. Например, у меня две дочери. И я хорошо видел разницу между двумя классами, в которых учились старшая дочь и младшая дочь. В классе, где училась старшая дочь, верховодили ребята, которых можно было бы назвать «лидерами кулачного права». И я хорошо помню, как мне приходилось ездить в школу, приглашать на индивидуальные беседы этих ребят, которые утверждали начала силы в классе. Я им говорил: «Если ты хоть раз еще позволишь себе нечто подобное по отношению к моей дочери, тебе будет плохо. И родителям твоим будет плохо. Я их обязательно привлеку, так сказать, к нашим разборкам. А, в общем, и ты получишь!..».

А вот в другом классе, в котором училась моя младшая дочь, там не то что верховодили девчонки – я не могу так сказать – но то, что девчонки обладали каким-то авторитетом и сильно влияли на обстановку в классе, это факт. Кулак в этом классе мало что значил. Отношения строились на какой-то другой основе. И тут я в школу приходил совсем с другим настроением, а в итоге кончилось тем, что я этот класс младшей дочери стал водить в походы. С четвертого класса...

Вначале, конечно, эти походы проходили совместно с другими родителями. А потом, когда дети немного подросли, они стали мне говорить (поскольку я был основным организатором походов): «Вениамин Федорович, а зачем нам родители? Давайте будем ходить без родителей!..» – «Как это без них?.. Это значит, я должен буду отвечать за каждого из вас! Да вы что! Это же такая ответственность!..» – А они говорят: «А мы будем вести себя так, чтобы у вас не было опасений!».

Но получилось, что этот уговор у нас распространился не только на походы, но и на школу. Например, звонит мне директор (а надо сказать, что директор этой школы был очень хороший мужчина, настоящий педагог), и говорит: «Вениамин Федорович, вам надо в школе появиться». – Я спрашиваю: «А почему я должен у вас в школе появляться?» – Он говорит: «В классе вот... некоторые ребята выбиваются, так сказать... начинают безобразничать на уроках...».

Ну, и я, конечно, появляюсь в школе. Этот класс во время перемены вокруг меня собирается. Все дети начинают кричать, спрашивают, когда пойдем в очередной поход. Я говорю: «Я боюсь, что никогда...».

– Они кричат: «Как?! Почему?!» – Я говорю: «Оказывается, некоторые из вас тут ведут себя так, что я уже не могу брать на себя ответственность за вас. Я думаю, что я не справлюсь». – Они начинают меня убеждать, что я справлюсь, уговаривать пойти в очередной поход. Я им отвечаю: «Вот при следующих условиях...» – и начинаю выдвигать эти условия. Причем, эти условия касаются уже их поведения на уроках и в классе. Потому что я-то знаю, кто там заводи́ла, и кого там надо поставить на место – но не путем прямого воздействия на них, а путем коллективного воздействия...

В итоге ситуация в школе исправилась, и, конечно, мы снова пошли в поход. Правда, и в походах тоже возникали разные ситуации...

Ну, например, я отошел куда-то посмотреть, где мы можем разбить лагерь. Дети сидят, отдыхают. Потом я возвращаюсь, смотрю: ребята сидят и играют в карты. Откуда у них эти карты взялись, я не знаю. Я посмотрел и говорю: «О!.. Какие красивые карты!..» – Они говорят: «Да, Вениамин Федорович, посмотрите!..» – Ну, у кого-то из родителей кто-то привез из-за границы. Тогда у нас еще в продаже не было таких красивых карт... Я посмотрел и сказал: «Да!.. Красота какая!.. Ну ладно... Только я не знал... Я думал, что я имею дело с группой туристов, а оказывается, я имею дело с группой картежников...». В общем, так вот иронично все это прокомментировал... И меня поразило то, что потом, когда мы разложили костер, они эти карты собрали и сами все сожгли на костре.

Поэтому я и говорю, что этот класс был бесконфликтным. И потом из него никого не отчисляли, и даже очень трудные ребята поддавались общественному воздействию и воздействию класса. Прекрасный был класс. Он весь окончил школу без потерь. И до сих пор они собираются, дружат...

Все это я привожу в качестве примера применительно к небольшому коллективу – школьному классу. Но ведь общество – это тоже коллектив. И значит, в обще-

стве тоже надо формировать самооценку. И очень важно, чтобы эта оценка была все-таки позитивной. Если люди понимают, что общество строится, в основном, на началах справедливости, это общество, которое имеет будущее. И оно будет обществом, которое совершенствуется, а не деградирует.

Очень важно, чтобы люди верили в начала справедливости в том обществе, в котором они живут. Наверное, это относится к любому обществу. И к российскому, я убежден, это относится точно. Потому что Россия в этом смысле вообще страна особенная: люди здесь всегда обладали обостренным чувством справедливости.

И для нас, я думаю, очевидно, что в основе общества и человеческих отношений должны лежать начала справедливости. А начала справедливости основаны на очень простом принципе: «Ты — мне, я — тебе». Вот договор купли-продажи. Типичные отношения, построенные на справедливой основе. Почему? Потому что здесь в отношения вступают, скажем, два человека. У каждого из них свой интерес: одному нужны деньги, другому нужна какая-то вещь. Тот, кому нужна вещь, отдает деньги за эту вещь. Тот, кому нужны деньги, отдает вещь за эти деньги. И в идеальном случае оба потом благодарны друг другу: покупатель — за то, что приобрел хорошую вещь, а продавец — за то, что он получил за эту вещь приличные деньги. То есть вот это отношение — типичное, как отношение, которое должно быть построено на принципах соразмерности. А соразмерность — это справедливость. В данном случае соразмерность стоимости: чего стоит вот это материальное благо, которое продается, какой суммы денег оно стоит?

Здесь происходит завладение благами не насильственным путем, а через обмен эквивалентами. Это цивилизованные отношения в сфере экономики, которая построена, в конечном счете, на том самом простом принципе: «Ты — мне, я — тебе». А деньги — всеобщий эквивалент этой сбалансированности, то есть, так сказать, измеритель ценности и заменитель этой ценности. Потому что эта ценность позволяет приобрести любую другую ценность, в любой другой натуре. Так что в этом смысле деньги — колоссальное изобретение человеческого разума. Но, разумеется, при любом конфликте существует целый комплекс интересов (это могут быть не только финансовые, но и другие личные, психологические интересы), и происходит их столкновение. И ценность медиативной процедуры состоит именно в том, что с ее помощью достигается соглашение. А соглашение есть всегда результат гармонизации интересов. Конечно, решение, достигнутое в ходе процедуры медиации, может отличаться от того, которое мог бы вынести суд. И такое решение может не соответствовать представлениям о справедливости с юридической точки зрения. Но тут важнее, что оно удовлетворяет самих спорщиков. И поэтому оно так же будет справедливым, но не с точки зрения суда, а в их глазах.

Это путь, может быть, не приводящий в конечном счете к арифметически точному соотношению справедливости. Но зато это мирный путь. И сам по себе способ достижения этого результата представляет немалую ценность. Ведь, как правило, если стороны заключили соглашение, подписали его, у них возникает чувство удов-

летворенности тем, как они вышли из этого конфликта (чего обычно не бывает при вынесении судебного решения). А к тому же судебное решение — это борьба, причем довольно часто борьба с непредсказуемым исходом, даже если стороны ориентируются на исходы тяжб по аналогичным делам... Они не понимают, что двух дел, абсолютно совпадающих по деталям, не существует. В каждом есть свои мелочи. И эти мелочи могут сильно влиять на судебное решение, с точки зрения закона.

Поэтому важное преимущество медиации состоит в том, что формирование итогов находится в руках обеих сторон. Каждая из них непосредственно контролирует, насколько ее интересы могут пострадать или не пострадать. По ходу проведения переговоров человек знает, что, в конечном счете, пока он не сказал «да», никто «да» за него сказать не может. И никакой медиатор не может его к этому понудить, поскольку у него нет для этого власти. Стало быть, он сам говорит «да» или «нет». Это имеет колоссальное значение для удовлетворения интересов: если даже человек идет на некоторые уступки, он все-таки понимает, что не проиграл в самом главном. Таким образом, здесь достигается состояние беспроегрышности: даже если я немножко уступил, — в целом я не проиграл. Если он идет на уступки, другая сторона эти уступки с удовольствием принимает, и ее враждебность тоже слабеет. Она понимает, что ей, наверное, тоже надо в чем-то уступить... и т. д., и т. п. И вот таким путем зарождается тот результат, который вначале кажется недостижимым.

Процедура медиации тем и хороша, что она менее формализована. Она включает в себе возможность согласования всех интересов конфликтующих сторон и направлена на то, чтобы стороны все-таки в этой трудной ситуации сумели найти такой вариант, который устроил бы и ту, и другую.

И когда это происходит, спор исчезает, а у бывших спорщиков рождается чувство сопричастности ко всему этому процессу, потому что они все это осуществили своей волей, и при этом поступились совсем немногим. В целом они свой интерес смогли отстоять, иначе бы не подписали соглашение. И в этом, кстати, залог добровольного исполнения достигнутого соглашения. То есть тут происходит не просто разрешение конфликта, а еще и закладывается основа будущего добровольного исполнения достигнутых договоренностей. Судебное решение, как правило, исполняется принудительно. Потому что добровольно оно не исполняется проигравшей стороной — той стороной, которая рассматривает себя, как проигравшую. Она, как правило, старается найти способ сделать судебное решение неисполнимым. То есть она препятствует исполнению судебного решения. Она, например, припрятывает свои доходы, и тогда уже нужны дополнительные усилия службы судебных приставов, чтобы найти эти деньги, это имущество... и т. д., и т. п.

Следовательно, во всех отношениях внесудебный способ разрешения споров, с помощью медиации, более безопасный и более выигрышный. Да, собственно говоря, если разобраться, подавляющее большинство наших конфликтов и так разрешается не в судах, самими сторонами... Мы договариваемся о чем-то друг с другом, находим способ исполнять свои обещания. Эта договороспособность в обществе очень важна, ее нужно всячески развивать и поддерживать.

И медиация – это как раз очень хороший способ, помимо прочего, культивации такого воспитания. Поэтому медиация должна присутствовать и в быту, в нашей повседневной жизни. Но она должна присутствовать и в суде. Когда суд рассматривает дело, возможность медиации тоже не снимается. Суд может направлять стороны на медиацию, чтобы они могли договориться сами. И суд должен всячески помогать сторонам прийти к мирному разрешению спора. Поэтому, конечно, важно, чтобы судьи знали и понимали, что такое медиация, предлагая в подходящих случаях сторонам обратиться к этому методу разрешения спора.

– Как Вы полагаете, какие самые важные шаги были сделаны за последние годы на пути интеграции медиации в России? Каковы здесь самые значимые успехи? И какие серьезные проблемы еще предстоит решить?

– Я думаю, что самым большим нашим достижением было принятие Федерального закона об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации) 2010 года. И мне кажется, закон неплохой. Конечно, может быть, можно его еще в чем-то улучшить... Но я вот снова его проработал, посмотрел... Функции медиатора определены хорошо, предмет медиации – тоже... Ну, в общем, это грамотный и неплохо составленный документ.

Интересно, кстати, что во всей Европе параллельно шел схожий процесс формирования законодательной базы для медиации. Соответствующими органами объединенной Европы выносились решения, обязывающие государства принять законы о медиации. И для принятия таких законов были установлены довольно сжатые сроки. И надо сказать, что Россия, не будучи членом Европейского сообщества, тем не менее, оказалась здесь в первых рядах, потому что мы одними из первых приняли Закон о медиации. Ну, кое-где, в некоторых странах эти законы появились раньше, но мы уж точно не опоздали. У нас этот Закон действует уже шесть лет.

Итак, Закон у нас есть, и теперь нам надо больше работать с судьями. Эта работа сейчас проводится, причем очень большая и серьезная работа. Я думаю, она будет продолжаться. Но, кроме того, надо, наверное, больше работать и со сторонами. То есть надо работать с соответствующими структурами, от которых зависит интерес к медиации и ее востребованность. Ну, например, с предпринимательскими структурами. Я как раз недавно говорил на схожую тему с представителями Торгово-промышленной палаты России. Торгово-промышленная палата в данном случае хороша еще и тем, что, кроме общероссийской Палаты есть Палаты во всех субъектах РФ. То есть, существует целая система, объединяющая предпринимателей, и от нее тут может зависеть очень многое. Я как раз говорил о том, что стоило бы дальше продвигаться в сторону альтернативных способов урегулирования конфликтов. В этом смысле речь в первую очередь зашла о третейских судах, о том, что вот сейчас они в ТПП пытаются активизировать работу третейских судов. Это, конечно, правильно. Третейские суды – хорошая штука, но медиация не хуже. Внедрение начал медиации через работу с предпринимательскими структурами – это очень важно.